

Сотим Улугзода о писательской критике

Мурувватиён Дж.

«Если бы кто-нибудь из таджикских литераторов написал работу о том, как влияет критика на развитие литературы и насколько широко охватывает она продукцию последней, то получилась бы поучительная работа. В этом случае он за рядом положительных фактов обнаружил бы и много отрицательных, - в том смысле, что немало писателей, особенно молодых, и большое количество произведений литературы остались совершенно вне поля зрения критики», - так отмечал Сотим Улугзода в своей статье «Сила критического слова», написанной в 1955 году. С тех пор прошло более полувека, а слова его актуальны до сих пор.

Сотим Улугзода прожил скромную, сдержанную, а на деле острую, полную душевного напряжения жизнь. В ней не было ни суеты, ни пустот. В сущности, он не потерял даром и часа - об этом свидетельствует его архив, сохранившийся далеко не полностью. Взыскательность, строгость, тщательность отбора, как в науке, так и в художественной прозе были естественны для него — писателя, никогда не забывавшего, что он действует на святом поприще - литературы.

В предлагаемой статье рассматривается одна из сторон творческой деятельности Сотима Улугзода – писательская критика.

Само понятие «писательская критика» появилось в литературоведении только в 1980-х гг. Сейчас оно прочно вошло в исследовательский оборот, но с самого начала понимается исследователями неоднозначно и является достаточно размытым понятием, поскольку во многом специфично. Его специфика зависит от культурного, социального и исторического контекста, личности художника, его литературных принципов, направленности и крайней субъективности высказываемого мнения [1]. Писательская критика тесно связана с литературой, психологией художественного творчества, социологией.

В названной статье, вовлекая читателя в живой процесс совместного осмысления, писатель последовательно сформулировал свои литературно-критические принципы. Он не только указывает на достоинства и промахи литераторов, но и призывает к расширению идейного кругозора, совершенствованию мастерства, подчеркивая мысль о том, что интеллект оказывается своего рода мерилем творческих способностей художника.

Писательская критика С. Улугзода была логическим продолжением и практической реализацией его эстетической программы.

Важная сторона творческой деятельности Сотима Улугзода, которая также как и перевод, успешно отражает определённые этапы его становления и развитая как художника – это писательская критика, не изучив которую практически невозможно дать правильную и полноценную оценку художественному творчеству Улугзода, определить его художественные вкусы, мировидение. Заметим, что писательская критика Улугзода дает богатый материал для понимания его отношения к теме, идее и героям произведения; раскрывает позицию автора и способы ее выражения, тесно взаимодействует с пограничными жанровыми формами, такими как «в лаборатории писателя», эссеистика, мемуаристика, публицистика, документалистика и т.д.

Как отмечает Раджаби М., творческий путь С. Улугзода отличается от его современников тем, что писатель начал его как критик и переводчик и на протяжении почти десяти лет (1929-1939 гг.) написал около тридцати критических статей, которые отличались горячностью тона. [5, 17]. Суть позиции автора состояла в том, что и художественная литература, и литературная критика в поступательном развитии должны были бы обращаться к исчерпывающему анализу социальных явлений. Критическая деятельность С. Улугзода была посвящена главным образом современной художественной литературе («Як нигоҳ ба насри тоҷикӣ», «Латофатой фиреб хӯрд» (1930), «Ғалаба», «Маҷмӯаи шеърҳои Азизӣ» (1932), «Лохутии мо» (1933), «Садриддин Айни» (1935).

Писательская критика XX в. распространилась среди достаточно широкого круга таджикских писателей. Литературно-критические тексты есть у С. Айни, Дж. Икромӣ, Р. Хашима, С. Улугзода и др.

В эти же годы свою активную гражданскую позицию критика писатель совмещает с переводом политических текстов, в числе которых произведения Ленина, 34 произведений Маркса и Энгельса, Ленина, 5 книг Сталина (переводы были осуществлены совместно с совместно с Б.Гаффуровым и Комиссаровым).

Он написал более пятидесяти литературоведческих, критических и литературоведческих статей. Одна часть этих статей С. Улугзода собрал в книге «Единение».

В 1963 году Таджикгосиздат выпустил избранные статьи и очерки С.Улугзода «Единение», в этой книге были собраны 26 емких статей и очерков, отличающихся не традиционностью взглядов и мышления, представляющих субъективную точку зрения автора на то, как рождается сюжет, как появляется замысел, а также раскрывающих эстетические взгляды писателя. Это отнюдь не скучные и пафосные заметки писателя - они

раскрывают замечательное чувство юмора Улугзода, человека, умудренного опытом, с тонкой иронией. Хотя книга, прежде всего, обращена к проблемам литературы, природы творческого вдохновения, роли писательского воображения, в ней говорится о том, как вырабатывается авторский стиль, как появляется художественное произведение, она также, наряду с литературными вопросами, тесно связана с его гражданской позицией и нравственностью в искусстве и литературе.

Тематически содержание можно разделить на пять групп: военная тема, очерки на тему социалистического строительства, литературоведческие и юбилейные статьи, путевые заметки. Эти работы отличаются глубиной анализа, великолепным знанием Сотимом Улугзода исследуемого материала, его стремлением затрагивать проблемы, являющиеся актуальными в литературоведении. В них Улугзода рассуждает о книгах и как романист, и как публицист, и как ученый.

Говоря о литературно-критических работах Улугзода, необходимо подчеркнуть их открытость и многообразие: писатель размышляет не только о проблемах, отражающихся в художественной форме, но и о явлениях самой действительности тех лет, спорах, дискуссиях, шедших в интеллектуальных кругах и имевших большое влияние на развитие таджикской литературы. Как утверждает писатель, одна хорошая, умная критическая статья о произведении писателя иногда может стать началом нового, более высокого этапа в его творчестве.

Достоинство статей «Сила критического слова», «Мысли о писательском мастерстве» заключается в их злободневности и сегодня. В них ярко выразилась личность С.Улугзода.

Улугзода одним из первых исследователей заговорил об актуальной на то время проблеме создания взаимосвязанной критики: «Есть еще вопрос, ставший на современном этапе развития литературы актуальным. Это вопрос о создании всесоюзной критики. О нем пишет, в частности, казахский писатель Габиден Мустафин в своей статье «Общее дело литераторов», опубликованной в «Литературной газете» 30 августа этого года. Литературная критика в нашей всесоюзной многонациональной литературе все еще остается более или менее разрозненной, во многом обособленно местной. Творческая взаимосвязь, обмен опытом между критиками братских литератур, совместная их работа над общими проблемами осуществляются крайне слабо. Как правильно замечает Мустафин, «критика подлинно всесоюзная, охватывающая большой круг литератур, - давняя, но по сию пору несбывшаяся мечта писателей». Пора осуществить эти мечты, это зависит от нас самих. Споры нет, Союз писателей СССР обязан организовать

и возглавить это дело, но необходима инициатива и «снизу». В частности, почему нашим таджикским критикам и литературоведам не начать, наконец, выступать с критическими, обзорными, проблемными статьями в центральной литературной прессе, принять участие во всесоюзных творческих дискуссиях?» [3, 113].

Статьи и очерки Сотима Улугзода раскрывают перед нами то осторожного, мудрого исследователя, то стремительно развивающегося филолога с пытливым умом, желающего обогащаться фактическим материалом в поиске новых образов, готового впитать в себя все неизведанное. Его высказывания порой резки, говорит он открыто, искренне. Влияние советской идеологии в них определённно сильно, как на писателя, так и на характер и содержательную направленность его статей и очерков. Все они в полной мере несут на себе отпечаток идеологии того периода, как например: «Восточная» корректность и учтивость совсем неуместны в нашей советской, коммунистической литературной критике, они выглядят, как пережиток, ставящий критика в неловкое положение, «Вряд ли принесли в литературу пользу многие панегирические статьи, скажем о творчестве таких действительно талантливых наших поэтов, как М. Турсунзаде, М. Миршакар и другие» [3, 104] Но, несмотря на тесную связь с идеологией, они имеют глубоко литературный характер, открывают что-то новое, в них с особой строгостью и четкостью анализируется деятельность молодых литературоведов – критиков: «В центре внимания критики все шире и глубже встают вопросы художественного мастерства. Показательна в этом отношении статья молодого критика М. Шукурова «Некоторые вопросы художественного мастерства в творчестве молодых поэтов», опубликованная в 8-м номере журнала Союза писателей Таджикистана «Шарки Сурх». Критик, сравнивая творчество молодых поэтов Аминджона Шукухи, Гафара Мирзо, Абдумалика Бахори, Мухиддина Фархата и некоторых других, устанавливает слабые и сильные стороны каждого из них и убедительно вскрывает общие для их творчества недостатки.

В каждой статье писатель оценивает главным образом современное литературное развитие, истолковывает художественные произведения с точки зрения современности: «Критик и литературовед С.Табаров в своей статье о новой поэме М. Турсунзаде «Хасан-арбакеш», помещенной в 9-м номере того же журнала, пытается заострить внимание на вопросе о том, что герой литературы должен действовать, бороться с серьезными трудностями и препятствиями. Только тогда мы познаем весь характер, почувствуем движение и развитие этого характера. А если действия нет, то никакие авторские «разъяснения», даже самые талантливые, не заменят его, они не

могут устранить у читателя или зрителя ощущения статичности героя. К сожалению, автор, увлекаясь мелкими литературоведческими анализами, впадает в многословие, и это мешает ему ясно и четко донести до сознания читателя затронутую им проблему, являющуюся одной из важнейших творческих проблем таджикской литературы на современном этапе ее развития». [3, 106]

Сильная сторона этих работ – поэтика, то есть эффект через художественные детали, словесно-метафорическую ткань текста, систему образов, через характеры, сюжет и композицию. В них литература очень тесно граничит с идеологией, в связи с чем статьи местами похожи на политическую «агитку» («Народ и партия – в них творчество и жизнь»). Однако те вопросы, которые были освещены писателем в его публицистических работах, равноценно отражали его убеждение и мировоззрение относительно окружающей действительности, исторической реальности того или иного периода («Вровень в семилетку», «Таджикская литература в дни Отечественной войны»). В статье «Таджикская литература в дни Отечественной войны» рассматривается многопроблемная и многожанровая таджикская литература военных лет: «В суровую годину Отечественной войны писатели Таджикистана показали себя как сыны своего народа. Поэт и критик Хабиб Юсуфи, писатели Хаким Карим-заде и Бузург-заде, драматург Абдушукур Пирмухаммад-заде, прозаик Фатех Ниязи, поэт Аширмат Назаров, Хабиб Ахрари пером и штыком сражались с фашистскими захватчиками. В огне битв за Родину зрел их талант. Фронтовые стихи Хабиба Юсуфи и Аширмата Назарова, очерки и рассказы Фатеха Ниязи и других таджикских писателей-фронтовиков печатались на фронте и в тылу. Хабиб Юсуфи, Хаким Карим-заде, Пирмухаммад-Заде, Бузург-заде погибли на фронте, как герои» [4, 56]. В критике С.Улугзода объективные выводы обосновываются его пониманием значимости содержания литературы:

«Пример служения Родине показал в годы войны Садриддин Айни, прозаик, поэт и ученый, зачинатель таджикской советской литературы. Отечественная война пробудила в Айни вполне понятный интерес к героическому прошлому своего народа, и он в двух своих трудах воссоздал образы Тимур_Малика, героя борьбы против монгольских завоевателей, и Муканны, вождя освободительной войны народов Средней Азии против арабских поработителей». [4, 56]

«Поэтическая разработка фактов и материалов военной действительности, работа над созданием образа героя отечественной войны помогли многим нашим поэтам преодолеть элементы абстрактности,

риторичности в их творчестве, перейти к конкретности, предметности поэтического образа, темы, языка». [4, 57]

«Нашим прозаикам надо освоить школу реалистической, психологической прозы, учиться у мастеров литературы русского и других братских народов, создавать произведения, имея перед глазами несравненно выросшего в испытаниях войны советского читателя, умного и требовательного». [4, 59-60]

Улугзода разделяет подлинную литературу и литературную моду, жестко отмечая, что «плакатность, декларативность, констатация жизненных фактов вместо поэтического раскрытия их сущности, отсутствие своего художественного видения мира в отдельных произведениях молодых и не молодых поэтов идут от поверхностного знания жизни» [3, 105].

В поисках своеобразного нравственного ориентира для развития Улугзода отмечает, что издревле наряду с раболепствующими панегиристами были поэты, творчество которых условно можно назвать «критическим». Жили эти поэты трудно, и жизнь их часто кончалась трагически. Их враждебность к власти и царившим порядкам принимала форму то религиозной оппозиции, то личных выпадов против правящей династии, то, наконец, подчёркнутого прославления культурных традиций и былой славы родной культуры. Но при этом характерно, что, какую бы общественную позицию ни занимали поэты, за рамки традиционной нормативной поэтики они не выходили и лишь по-иному использовали традиционные жанры, в основном «осмеяния», где позволяли себе ядовитые нападки на своих противников и даже на самого халифа и его приближенных. Разумеется, никакой социальной критики в их стихах не было: в обществе, где царила мусульманская ортодоксия, земная жизнь со всеми её горестями и радостями представлялась предначертанной самим Аллахом, и смертному не дано было усомниться в божественном промысле, а тем более оспорить его: «...во все времена развития нашей дореволюционной литературы существовала литературная критика, правда, не похожая на современную критику, резко отличающаяся от нее своими приемами и формой проявления, но все же литературная критика, к тому же довольно развитая и опиравшаяся на устойчивые, веками выработанные эстетические каноны. Литературными критиками были Рудаки и Носир Хисрав, Джоми и Навои, Бедиль и Ахмад Дониш» [3,102-103], которые своей чуткой, строгой критикой никогда не боялись говорить правду в лицо.

Работы, включенные в сборник «Единение», многогранны по количеству освещаемых в них вопросов и поставленных проблем, они охватывают вопросы литературной критики, писательского ремесла,

актуальные проблемы прозы и поэзии, связанные с требованиями от молодых писателей тщательной работы над собой и над стилем своих произведений, культурой авторов.

Рассуждая о их роли критики в литературе, будь то литература современная или не современная, Улугзода считает, что критик должен быть «при тексте», то есть не следовать за текстом слепо, доверяясь ему во всем, но при этом и не навязывать ему насильственно свою интерпретацию, высказывается о том, что как ни крути, но без критики здоровый литературный процесс вряд ли возможен, но современная критика зачастую занимается «восточно-учтивым стилем»: «Некоторые наши писатели значение и важность критики признают только формально, для них критика – не более как популяризатор их произведений; потому они – за критику, только когда она восхваляет их» [3, 102]. Писатель приводит пример о том, как один из таких «критиков», посвятив большую статью М. Миршакару, от начала до конца оперировал такими непременно парными эпитетами: «глубоко и прекрасно», «подлинно и народно», «ярко и прекрасно» и т.д. «В поэзии Миршакара и других наших поэтов и писателей действительно есть немало и яркого, и прекрасного, и народного, но удивительно то, – восклицает Сотим Улугзода, – что эти эпитеты, попав в уста критика-панегириста, теряют всякий смысл и превращаются в словесный хлам» [3, 105].

Улугзода резко критикует современную ему критику, считая, что она зачастую занимается сведением счетов, когда какой-то автор или какое-то произведение сразу резко маркируется негативно просто по факту того, что автор этого произведения относится к иному, так сказать, литературному сообществу, нежели критик, который о нем пишет, он отмечает: «Та истина, что литературная критика тоже является литературой, специфическим видом художественного творчества, что, стало быть, от критики требуется не только глубокое знание законов словесной живописи, но и образное мышление, – эта истина теперь быстро и прочно усваивается нашими лучшими критиками». [3,105]

Роль критики Улугзода видит в умении направить развитие литературы в правильное русло, для этого критик должен иметь представление о деструктивной и конструктивной критике: «Мы говорили о малом количестве критических статей и рецензий, но и те статьи и рецензии, которые опубликованы, большей частью стоят не на высоком уровне, не отвечают по своему качеству тем высоким требованиям, которые к ним предъявляются. Среди них встречаются и такие статьи, которые отнюдь не

свидетельствуют о понимании их авторами новых задач литературы и литературной критики на современном этапе». [3, 108]

Улугзода высказывает мнение о том, что в современном таджикском литературоведении квалифицированный литературный критик, понимающий литературный процесс хотя бы в целом — большая редкость: «Мы, писатели, вместе с нашими читателями должны выразить наше недовольство отсутствием квалифицированных, глубоких, обобщающих работ критиков и литературоведов». [3, 107]

Как писатель и общественный деятель С. Улугзода воспитывался, прежде всего, на идейно-художественном наследии классической литературы. Это ощущается почти в каждой статье писателя, например, в статье «Вечно живой Ильич», написанной в 1960 году писатель гневно нападает на некоего Грехэма, члена английского парламента, позволившего себе назвать таджикский народ «дикими, вымирающими племенами»: «Мы, конечно, понимаем, что от «цивилизованных» невежд, подобных этому Грехэму, нельзя требовать хотя бы самого поверхностного знания истории народов советского Востока, давших миру Рудаки, Фирдоуси, Авиценну, Бируни, Носира Хисроу, Джами, Улугбека, Навои, Махдум Кули, Абая и других великих деятелей науки, культуры, искусства. Но бесспорно одно: от того, что грехэмы будут отрицать известные всему миру факты выдающихся достижений советских народов Востока, эти факты не перестанут существовать» [5, 9].

В некоторых статьях С. Улугзода ведет свои размышления о решительном скачке в развитии народа: «Как далеко шагнул с тех пор таджикский народ, какой совершил он громадный скачок во времени!» [7, 15], - восклицает, невольно вспоминая «эпизод, описанный Садриддином Айни в его повести «Смерть ростовщика»: «В кишлаке Розмоз, недалеко от Бухары, понадобилось написать письмо в город, но не было карандаша». [7, 15] Он не скрывает свою гордость: «Двенадцать журналов и шестьдесят газет с разовым тиражом более полумиллиона экземпляров расходятся по всей республике». [7, 15] Человек глубоко исторического мышления, Улугзода распространял этот взгляд и на собственное творчество. Он гордится достижениями таджикской литературы: «Труды в области науки и поэзии таких великих наших предков, как Рудаки, Фирдоуси, Абу Али-ибн-Сина, Омар Хайям, Саади, Хафиз, Носир Хисрав, Бедиль, Камол, Джами, Ахмад Дониш, Сайидо, творения которых являются вкладом таджикского народа в мировую культуру и сотни лет оставались недоступными большинству трудового народа, потому что это большинство было неграмотным, - эти замечательные труды только теперь <...>, впервые входят в круг чтения

сотен тысяч людей» [7,16]; театра оперы и балета им. С. Айни «первой оперы молодого композитора Сайфитдиннова «Пулат и Гулру», таджикских балетов «Дилбар» А. Ленского, «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна и наряду с ними – классической оперы Чайковского «Мазепа» [7,17]; Академического театра им. А. Лахути, русского драматического театра им. В. Маяковского. [7, 22-23]

И тут же, сокрушается досадным срывом, который постиг поэтессу Марию Фофанову в цикле ее новых стихов.

Теплом и уважением веет от его строк о С. Айни: «У китайцев есть обычай: когда они уезжают из своей страны, то кладут в башмаки землю, чтобы всегда стоять на родной земле, чувствовать ее под ногами... Таков был и Айни.. Он всегда чувствовал под ногами родную землю, всегда жил жизнью своего народа – именно поэтому в его произведениях трепещет, шумит и сверкает настоящая, а не придуманная жизнь. В последнее время даже кабинет писателя стал подвергаться осмеянию, как символ его отрыва от жизни. Но ведь кабинет – это рабочее место писателя, где он с напряжением всех своих сил и возможностей работает над рукописью, размышляет, обдумывает, осмысляет – создает живой мир образов, увиденных когда-то в жизни. Поэтому, как и любое рабочее место, кабинет писателя надо уважать. И, кроме того, не надо забывать слова А.М. Горького о том, что умный человек, сидя в своем кабинете, может увидеть больше, чем дурак, совершающий кругосветное путешествие». [8, 40]

Немаловажны замечания писателя о том, что: «За последние годы наряду с хорошими и очень хорошими произведениями появилось немало серых, скучных, посредственных книг. И это часто происходит не от нехватки таланта у авторов, а от неглубокого знания ими предметов, кои они взялись описывать. Именно – описывать, а не осмысливать!». [8, 41] они обоснованы тем, что как он отмечает «...круг тематики наших произведений все еще остается нешироким, ... творческое видение литераторов Таджикистана не охватывает еще многие важные стороны многогранной действительности республики». [7, 26]

Свои размышления о писательском мастерстве он заключает так: «Мастерство – это, прежде всего, не узко технологическая проблема, как думают некоторые литераторы. Мастерство – это умение видеть и осмысливать жизнь, отбирать из жизни наиболее характерное, типическое, умение заглянуть в душу человека. И вместе с тем мастерство – это цвета и краски на палитре писателя, это живопись словами, это умение создавать характер, картину, образ». [8, 42].

Относительно борьбы с формализмом Улугзода отмечает: «Некоторые наши таджикские поэты гонятся за эффектами, увлекаются словесной эквилибристикой, любят усложнять стиль» [8, 43]. С горечью и усмешкой он признает: «Как известно, у нас ежегодно выходит много сборников стихов. Но как они составляются, каково их содержание? И здесь мы с горечью убеждаемся в том, что авторы этих сборников с усердием, достойным лучшего применения, включают в них без разбора все произведения, которые успели к этому времени написать. Принцип составления очень простой: включается не самое хорошее, а все, что написано». [8, 44]

Таким образом, рассмотренная как явление писательская критика Сотима Улугзода представляет собой важное дополнение к истории литературной жизни XX века, которая в большой степени является самораскрытием творческой индивидуальности писателя, его авторского «я», что характерно именно для писательской критики.

Исходя из сказанного, мы можем сделать следующие выводы о критериях писательской критики является:

- литературно-критическое мышление писателя, которое раскрывает читателю значение законов писательской рецепции;
- художественное произведение и акт его создания в писательских суждениях;
- сопоставление с культурной и жанровой традицией, с личностью писателя-творца;
- вживание, сопереживание, размышление, расширение контекста в сопоставлении с национальным и мировым литературным процессом, с действительностью, своим жизненным, творческим опытом.

Как показал анализ статей, в творческом сознании С. Улугзода поставлены проблемы читателя, связь писателя с жизнью, как главный компонент творческого акта, мировоззрение, художественное мышление, талант и труд.

Список использованной литературы:

1. Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции: художественная рецепция и герменевтика. М.: Наука, 1985.
2. Демидчик Л.Н. Кашфи олами инсон // Садои Шарк. – 1974. – № 9 – С. 129-140.
3. Демидчик Л.Н. Таърихи адабиёти советии тоҷик. Насри солҳои 30. Душанбе. – 1978. – 308 с.

4. Замон ва наср. Мизи мудаввар // Садои Шарқ. – 1982. - № 1- С. 93-127.
5. Раљабӣ, М. Сотим Улуғзода абармарди набард ва андеша. Душанбе: Деваштич, 2004 – 172 с. =
6. Танқид ва чараёни адабиёт. Қайдҳо ва хуччатҳо. // Садои Шарқ. – 1972. - № 2 – С.124-137.
7. Улуг-зода С. Мысли о писательском ремесле / С.Улуг-зода // Единение – Душанбе, 1963, – С. 115-119.
8. Улуг-зода С. Сила критического слова/ С. Улуг-зода // Единение – Душанбе, 1963, – С. 101-115.
4. Улуг-зода С. Е Таджикская литература в дни Отечественной войны динение / С. Улуг-зода//Единение – Душанбе, 1963 – С.55-63.
5. Улуг-зода С. Вечно живой Ильич/ С. Улуг-зодая// Единение – Душанбе, 1963,– С. 3-11.
6. Улуг-зода С. Герой, которого я люблю/ С. Улуг-зода// Единение - Душанбе, 1963, – С.11-14.
7. Улугзода С. Народ и партия – в них творчество и жизнь/ С. Улуг-зода// Единение – Душанбе, 1963, – С. 14-30.
8. Улуг-зода С. Вровень с семилеткой/ С.Улуг-зода// Единение – Душанбе, 1963,– С. 30-49.

Аннотация: В статье прослеживаются понятие «писательская критика», критические статьи С. Улугзода, писателя, а также его метакритические статьи - критика о критике. Рассмотрена важная сторона творческой деятельности Сотима Улугзода, которая успешно отражает определённые этапы его становления и развитая как художника, не изучив которую практически невозможно дать правильную и полноценную оценку художественному творчеству Улугзода, определить его художественные вкусы, мировидение. Писательская критика Улугзода даёт богатый материал для понимания его отношения к теме, идее и героям произведения; раскрывает позицию автора и способы ее выражения, тесно взаимодействует с пограничными жанровыми формами, такими как «в лаборатории писателя», эссеистика, мемуаристика, публицистика, документалистика и т.д.

Автор анализирует статьи С. Улугзода, изданные в 1963 году в книге «Единение», где собраны 26 емких статей и очерков. Книга, прежде всего, обращена к проблемам литературы, природы творческого вдохновения, роли писательского воображения.

В статье также впервые сделана попытка определить критерии писательской критики на материале творчества Сотима Улугзода.

Ключевые слова: писательская критика, критика о критике, творческая деятельность, позиция автора, лаборатория писателя, природа творческого вдохновения, писательское воображение, таджикская литература.

Тавзеҳ: Дар мақола мафҳуми «нақди нависанда», мақолаҳои интиқодии С.Улуғзода, инчунин мақолаҳои марбут ба нақди ӯ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Муаллиф ба яке аз ҷанбаҳои муҳими фаъолияти эҷодии Сотим Улуғзода, ки давраҳои муайяни ташаккулу рушди ӯро ҳамчун санъаткор инъикос мекунад ва бе омӯзиши он арзёбии пурраву ростини эҷоди бадеии Улуғзода, муайян кардани завқи бадеӣ ва ҷаҳонбинии ӯ умкон надорад, тавачҷуҳ намудааст. Нақди адабии Улуғзода барои дарки муносибати ӯ ба мавзӯъ, ғоя ва персонажҳои асар маводи хуб медиҳад; мавҷеи муаллиф ва тарзҳои ифодаи онро ошкор менамояд, бо шаклҳои жанрии ҳамхудуд мисли коргоҳи нависанда, эссенигорӣ, ёддоштнависӣ, публицистика, ҳуҷҷатнависӣ ва ғ. робитаи зичи мутақобила дорад.

Муаллиф мақолаҳои дар китоби «Единение» («Ягонагӣ») -и С.Улуғзода дарҷшударо мавриди таҳқиқ қарор додааст. Китоб асосан ба баррасии масъалаҳои адабиёт, моҳияти илҳоми эҷодӣ, нақши тахайюли нависанда дар эҷоди бадеӣ, нақши тахайюли нависанда дар эҷоди бадеӣ бахшида шудааст. Дар мақола инчунин аввалин бор дар мисоли эҷодиёти Сотим Улуғзода барои муайян кардани меъёрҳои нақди нависанда кӯшиш ба харҷ дода шудааст.

Калидвожаҳо: нақди нависанда, нақди нақд, фаъолияти эҷодӣ, мавҷеи муаллиф, коргоҳи нависанда, моҳияти илҳоми эҷодӣ, тахайюли нависанда, адабиёти тоҷик.

Description: Abstract Ulugzoda, the son, and the great metacritic article - Criticism and Criticism. Illustrative and Straightforward Deformity Ulugzoda's storytelling material for the sake of the topic, ideas and heroes; illustrate the position of the author and the author, or not, in the form of a genre of genres, to make «labyrinthine labels», essays, memoir, journalism, documentary, and so on.

Author Reviews Ulugzoda, born in 1963, "Unity", the cathedral has 26 styles and sketches. The book, above all, is a problem liturgy, a creative introduction, a playful role play.

Find the coolest criteria in the material of the creation of the Ultimatus.

Keywords: Pleasure Criticism, Criticism of Criticism, Creative Degree, Position Author, Laboratory Pleasure, Pleasure of Visualization, Pleasure Literature.

Контактный номер: + 992 93 760 22 33

E-mail: Alikha-xan@mail.ru

Место работы: Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан.

Должность: к.ф.н., научный сотрудник отдела современной литературы

Тел.: (93) 760 22 33

Contact number: + 992 93 760 22 33

E-mail: Alikha-xan@mail.ru

Place of work: Institute of Language and Literature Rudaki Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Position: Researcher